

Петрык Янина Юрьевна

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО ЭСТЕТИЗМА

В данной статье предпринята попытка проанализировать теоретические основания "русского философского эстетизма": исследуется идея органической связи эстетического и философского в русском эстетизме, а также единство субстанционального и генетического начал русской философии и эстетики. Намечены линии демаркации искусства от иных форм духовной культуры, уловлена генетическая связь искусства и морали, исследованы бинарная оппозиционность и ортогональность некоторых эстетических идей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 1. С. 149-151. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. Эксперименты Бенджамина Либета со свободой воли [Электронный ресурс]. URL: <http://mywisdom.ru/article/ekperimenty-benzhamina-libeta-so-svobodoi-voli> (дата обращения: 15.10.2014).
5. John-Dylan Haynes [Электронный ресурс]. URL: <http://www.informationphilosopher.com/solutions/scientists/haynes/> (дата обращения: 31.07.2016).
6. Libet B. Can Conscious Experience Affect Brain Activity? // Journal of Consciousness Studies. 2003. Vol. 10. № 12. P. 24-28.
7. Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // The Behavioral and Brain Sciences. 1985. № 8. P. 529-566.
8. McLeod S. Freewill and Determinism [Электронный ресурс]. URL: <http://www.simplypsychology.org/freewill-determinism.html> (дата обращения: 13.10.2014).
9. Rigoni D., Kühn S., Sartori G., Brass M. Inducing Disbelief in Free Will Alters Brain Correlates of Preconscious Motor Preparation: The Brain Minds whether We Believe in Free Will or Not // Psychological Science. 2011. № 5. P. 613-618.
10. Smith K. Neuroscience vs Philosophy: Taking Aim at Free Will [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nature.com/news/2011/110831/full/477023a.html> (дата обращения: 31.07.2016).
11. Soon C. S., Brass M., Heinze H.-J., Haynes J.-D. Unconscious Determinants of Free Decisions in the Human Brain [Электронный ресурс]. URL: http://www.rifters.com/real/articles/NatureNeuroScience_Soon_et_al.pdf (дата обращения: 31.07.2016).
12. Soon C. S., Hanxi He A., Bode S., Haynes J.-D. Predicting Free Choices for Abstract Intentions [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pnas.org/content/110/15/6217.full.pdf> (дата обращения: 31.07.2016).

FREEDOM IN EXPERIMENTAL NEUROETHICS

Perov Vadim Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Novikova Ol'ga Valer'evna
Saint Petersburg University
vadimperov@gmail.com; novikova.o@hotmail.com

The article deals with neurological determinism from the position of neuroethics by the example of experiments with free will by Benjamin Libet and John Dylan Haynes. Their researches at the intersection of neuroscience and ethics led to a lively discussion about whether moral deeds are completely free and conscious, the extent, to which a person can control his/her choice, and where it is destined by unconscious brain processes. The work contains a description and analysis of the main arguments of this discussion.

Key words and phrases: freedom; neurological determinism; consciousness; the unconscious; neuronal activity.

УДК 124.5

Философские науки

В данной статье предпринята попытка проанализировать теоретические основания «русского философского эстетизма»: исследуется идея органической связи эстетического и философского в русском эстетизме, а также единство субстанционального и генетического начал русской философии и эстетики. Намечены линии демаркации искусства от иных форм духовной культуры, уловлена генетическая связь искусства и морали, исследованы бинарная оппозиционность и ортогональность некоторых эстетических идей.

Ключевые слова и фразы: эстетика; философский эстетизм; красота; панэстетизм; «панморализм искусства».

Петрык Янина Юрьевна, к. филос. н.

Кубанский государственный университет, г. Краснодар
p_yanina@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО ЭСТЕТИЗМА

В истории философии существует термин: «философский эстетизм» или «эстетизм в философии». Подобные термины употребляют по отношению к тем философским учениям, в которых художественно-эстетическая проблематика не только является центральной, но и оказывается субстанциональным основанием философской мысли. В. В. Бычков определяет термин «эстетизм» как «мировоззрение, полагавшее эстетическое и художественный опыт в качестве высшей и единственной ценности» [1, с. 155].

Термин «философский эстетизм» в современной культуре, как правило, связывают с европейской, в частности, английской традицией, амплифицированной «культом дендизма» [4, с. 15], представляя как теоретические, так и практические основания данного феномена. Несомненно, «философский эстетизм» в западноевропейской культуре всегда существовал на «периферии» рационалистических систем, главной тенденции «философского интеллектуализма», где существенную роль играли традиционные философские средства постижения истины: разум, рассудок и логическая аргументация. «Философский эстетизм», в свою очередь, вбирал в себя элементы интуитивного, мистического и художественного мировидения. Однако не менее оригинальным явлением европейской и мировой культуры необходимо назвать «русский философский эстетизм», напрямую связанный с самобытностью русского стиля философствования, выразившегося в «универсальном эстетизме» [8, с. 175], где онтологическое, гносеологическое и аксиологическое сплетались во всеобъемлющем эстетическом мировоззрении.

Современные исследователи посветили «русскому философскому эстетизму» немало работ. В творчестве В. В. Бычкова «философский эстетизм» рассматривается как определяющая черта русской философии. Указывая на единство теоретического и практического, рационального и художественного в русском философском дискурсе, автор употребляет термин «художественный гнозис» [1, с. 267], имеющий широкий круг применения и обладающий особой семантической глубиной. Не менее интересны специальные теоретические изыскания в области «русского философского эстетизма», которые проводили Ю. В. Манн («Русская философская эстетика») и Б. Ф. Егоров («Эстетические идеи России XIX века»). Однако, прибегая к жанру описания, нередко авторы углублялись в «частное», отображая развитие эстетических идей «по персоналиям», что, впрочем, нисколько не умаляло высокой познавательной значимости данных работ. Действительно, существенно затрудняет процесс аналитики данного феномена тот факт, что само развитие русской философской эстетики носило скорее имплицитный характер, а «метафизический язык» (А. С. Пушкин) [Цит. по: 7, с. 21] русской философии еще не был выработан.

Без сомнения, проблема генезиса «русского философского эстетизма» напрямую связана с самоопределением русской философии как таковой. Двухтомное фундаментальное исследование В. В. Зеньковского «История русской философии» до сих пор остается весьма авторитетным в этом вопросе в научном мире. Данное издание помогает не просто проследить развитие русской философии, но и выявить её субстанциональное и, что не менее важно, генетическое начала. В. В. Зеньковский писал: «самостоятельное творчество в области философии <...> мы находим в России лишь во второй половине XVIII века» [5, с. 13], а более зрелое системное философствование, так как философия «всегда движется к построению систем» [Там же, с. 16], автор датирует: «конец XIX – начало XX века» [Там же, с. 26]. Проследить становление русской философской мысли представляется необходимым ввиду того, что эстетическое всегда являлось её органической частью. Таким образом, зарождение первых философских эстетических воззрений, несомненно, возможно связать с хронологическим началом русского философствования, а существование «русского философского эстетизма» – с «философией систем».

Термин «эстетика» в русской философии, как правило, использовался в расширительном смысле, как совокупность теоретических взглядов на искусство, где теория не отделена от практики, а значит, от критической деятельности. Очень показательным является тот факт, что один из представителей «философии систем» В. С. Соловьев создает целый ряд литературно-критических статей, но в его творчестве отсутствует очень важная программная часть системы философии – теоретическая эстетика. Таким образом, эстетика в русской культуре изначально не рассматривалась как вполне самостоятельная наука, а в XIX и даже в самом начале XX века фактически не существовало академических изданий по эстетике, но имели место литературно-критические статьи, содержащие философский анализ искусства.

Безусловно, огромное влияние на русский философско-эстетический дискурс оказала немецкая классическая философия (Ф. Шеллинг, Г. Ф. В. Гегель), но особой отличительной чертой «русского философского эстетизма» были именно околоакадемические споры на тему «чистого искусства» и «реализма». Несмотря на весомый теоретический «базис» немецкой классической эстетики, подобные споры зачастую вели без упоминания четких категорий и специфических терминов и понятий, в отсутствие «идеализаций», а иногда и технических приемов, что, без сомнения, снижало теоретический уровень эстетического философствования. Однако имели место в подобном стиле мышления и некоторые положительные стороны: русским философам была свойственна, во-первых, эстетическая всеохватность – стремление объять все вопросы жизни с позиции эстетических критериев, во-вторых, синтетическое единство как страсть к единению, к «внелогической полноте» непосредственного знания. В-третьих, для русских философов было характерно многообразие эстетических программ: реализм и романтизм, критика натурализма и эмпиризма. Подобная эклектичность, с одной стороны, давала повод говорить о несамостоятельности эстетических воззрений русских философов, а с другой стороны, – свидетельствовала о богатстве интеллектуальных изысканий, широте и разнообразии взглядов.

Русская эстетика в период с конца XVIII века до начала XX века сопровождалась многими дискуссиями по проблемам, связанным с функциями искусства, его сущностью, особенностями художественного творчества, и самое главное, ценностью искусства как такового. «Упоённость» искусством в русской философии приводила к тому, что, анализируя мировую философскую мысль, русские мыслители никогда полностью не отказывались от аристотелевского «мимесиса» в понимании искусства, но совершали настойчивые попытки обосновать искусство именно «философски-исторически» [7, с. 15], выявляя хронологию развития жанров, рассматривая проблемы их генезиса и типологии. Теоретический смысл изысканий русских философов лежал в области демонстрации полной самостоятельности искусства и в стремлении произвести полную демаркацию искусства от политики. Отвергая «генетическую связь» искусства и политики, русские мыслители связывали искусство с «духом времени», с внеполитическими условиями среды. Эстетические ценности в данном случае, без сомнения, преобладали над политическими и социальными проблемами. Подобное дистанцирование от социально-политического контекста позволяло рассматривать искусство в его когнитивно-познавательной роли, которая оценивалась весьма высоко, а также выявлять этико-аксиологическую значимость искусства.

«Русский философский эстетизм» отличался не просто панморализмом, как вся русская философия, но «панморализмом искусства», которое действительно в воззрениях русских философов становилось более нравственно (но без дидактики), нежели умозрительно. Повышенное нравственное значение искусства заставляло вспомнить едва ли не принцип «калокагатии» [6, с. 100] как единства прекрасного и доброго (добра и красоты). Разительный контраст в этой связи представлял собой «философский эстетизм» Оскара Уайльда, где, напротив,

искусство, которое «шире рамок моральных ограничений» [4, с. 15], буквально поднималось над моралью, вплоть до признания аморализма искусства. Таким образом, возвышая искусство, русский и английский эстетизм расходились в степени «морализованности» данного феномена.

Существенной чертой «русского философского эстетизма» являлась его амбивалентность, бинарная оппозиционность, где главным представлялось наличие ортогональных связей (как различие и противопоставление идей) с некоторым оттенком парадоксальности и даже противоречивости суждений. К подобного рода ортогонально оппозиционным связям можно отнести:

Эстетическое – Гносеологическое;
Обыденное – Высокое;
Эмоциональное – Рациональное;
Суггестивное – Теоретическое;
Красота в витальности – Неприятие натурализма.

Четко различая и разделяя эстетическое и гносеологическое (как целостную форму познания, наряду с научной), эмоциональное и рациональное, в «русском философском эстетизме» исходили из того, что эстетическое и логическое вместе с тем прекрасно дополняют друг друга, так как между логическим единством некоторых определений и единством художественной образности можно обнаружить соответствие. Обыденное и прозаическое обретало эстетическое значение, вступая в контакт с высоким и абсолютным, а эмоциональная окрашенность истины приводила к мысли о том, что потенциал суггестии велик и может быть подвергнут моральной оценке. С одной стороны, эстетика мыслилась отражением жизни, и имело место утверждение красоты в витальности, а с другой стороны, присутствовало полное отвержение и неприятие натурализма, как грубого и низменного.

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что «русский философский эстетизм» существовал в духе структурно-семантического подхода, желая выявить внутреннюю структуру искусства и истолковать феномен художественного и эстетического. Ввиду опоры на теоретическое поле западноевропейской академической эстетики, русские философы нередко применяли некоторые приемы, свойственные рецептивной эстетике, понимая, что развитие эстетических идей исторично. Признавая, с одной стороны, общеизвестную роль, которую сыграла «триада» в немецкой классике, а также «диаду» как возможность структурного изложения материала, представители «русского философского эстетизма», с другой стороны, вступали в конфликт с философским систематизмом, где система и любая упрощенная схема очень многого не в состоянии были объяснить. Но особая ценность «русского философского эстетизма» состояла в том, что субстанциональной для него стала синтетическая идея «цельного знания» и «универсализма», объединение художественной образности и этико-теоретического момента, стремление к выразительности и изобразительности, воплощенности идеи, а также «тенденция к углубленному психологизму» [3, с. 5]. «Русский философский эстетизм» необыкновенно возвысил искусство, понимая его как совершенную форму познания мира, высшую форму бытия и теургическую практику.

Список литературы

1. Бычков В. В. Эстетика. М.: Гардарики, 2004. 556 с.
2. Гилберт К., Кун Г. История эстетики / пер. с нем. М.: Прогресс, 2000. 316 с.
3. Егоров Б. Ф. Избранное. Эстетические идеи России XIX века. М.: Летний сад, 2009. 664 с.
4. Жук М. И. История зарубежной литературы конца XIX – начала XX века: учеб. пособие. М.: Наука, 2011. 134 с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. Т. 1. 544 с.
6. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965. 374 с.
7. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 381 с.
8. Овсянников М. Ф. История эстетической мысли: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978. 352 с.
9. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.

THE MAIN IDEAS OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL AESTHETICISM

Petryk Yanina Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Kuban State University in Krasnodar
p_yanina@mail.ru

The article aims to analyze the theoretical foundations of “Russian philosophical aestheticism”: the idea of integral connection between the aesthetic and the philosophical in Russian aestheticism, and unity of the substantial and genetic fundamentals of Russian philosophy and aesthetics are examined. The directions of demarcation of art from other forms of spiritual culture are outlined. The genetic relation of art and morality is detected. The binary opposition and orthogonality of some aesthetic ideas are examined.

Key words and phrases: aesthetics; philosophical aestheticism; beauty; pan-aestheticism; “pan-moralism of art”.